

Курамшин А.А.,
магистрант 2 курса,
Институт права УУНиТ
Уфа, Россия

**НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ С
УЧЕТОМ СОВРЕМЕННЫХ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВА**

Аннотация: В статье рассматриваются направления совершенствования правового регулирования государственного управления с учетом современных моделей социального государства. Цель исследования состоит в выработке предложений, позволяющих соотнести конституционный принцип социального государства, систему публичной власти и действующие механизмы управления в социальной сфере. В работе использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Обосновано, что российская модель социального государства носит смешанный характер и соединяет бюджетно-перераспределительные, страховые и сервисно-цифровые элементы. Показано, что действующее регулирование пока сохраняет фрагментарность, ведомственную разобщенность и неодинаковый уровень управленческих решений в регионах. Сформулированы направления дальнейшего развития законодательства, связанные с систематизацией социального законодательства, уточнением разграничения полномочий, укреплением правовых гарантий цифрового управления, введением единых минимальных социальных стандартов и развитием процедурной защиты прав граждан.

Ключевые слова: социальное государство, государственное управление, правовое регулирование, социальная политика, социальная поддержка, единая система публичной власти, цифровизация, социальные стандарты.

Abstract: *The article examines directions for improving the legal regulation of public administration with regard to contemporary welfare state models. The purpose of the study is to formulate proposals that correlate the constitutional principle of the welfare state, the system of public authority and the current governance mechanisms in the social sphere. Formal legal, comparative legal and systemic methods are used. It is argued that the Russian welfare state model is mixed and combines budgetary redistributive, insurance and service-digital elements. The paper shows that the existing regulation still remains fragmented, administratively dispersed and uneven in regional practice. The author proposes further legislative development through systematization of social legislation, clarification of competences, strengthening legal guarantees of digital public administration, introduction of minimum social standards and development of procedural protection of citizens' rights.*

Keywords: *welfare state, public administration, legal regulation, social policy, social support, public authority system, digitalization, social standards.*

Проблема совершенствования правового регулирования государственного управления в социальной сфере занимает заметное место в современной юридической науке, поскольку именно через управленческие механизмы получает практическое выражение конституционный принцип социального государства. Российская Федерация закрепила в части 1 статьи 7 Конституции Российской Федерации обязанность публичной власти создавать условия для достойной жизни и свободного развития человека, однако данная формула приобретает реальное содержание лишь тогда, когда она переводится в систему полномочий, процедур, финансовых обязательств и организационных решений [1].

В российской правовой литературе все чаще подчеркивается, что социальное государство нельзя сводить только к декларации о поддержке уязвимых групп населения. Оно предполагает наличие целостной социальной доктрины, согласованной с конституционными ценностями, а также понятной системы актов, через которую гражданин может реализовать свои социальные права без избыточных административных барьеров. В этом смысле внимание исследователей к идее кодификации социальной сферы и к упорядочению нормативного массива представляется закономерным, поскольку разрозненность регулирования ослабляет как правоприменение, так и саму управленческую функцию государства [2].

Современные модели социального государства различаются не только объемом социальных обязательств публичной власти, но и способом их организационного исполнения. В зарубежной и отечественной доктрине обычно выделяются либеральная, консервативно-корпоративная и социал-демократическая модели, а также их смешанные разновидности. Первая делает акцент на адресной помощи и личной ответственности, вторая связывает социальные гарантии со страховыми и профессиональными механизмами, третья опирается на широкое перераспределение и высокий уровень универсальных услуг. Для правового регулирования государственного управления это различие имеет прямое значение, поскольку каждая модель по-разному отвечает на вопросы о допустимой степени централизации, роли регионов и муниципалитетов, месте страховых институтов, объеме бюджетного участия и характере административных процедур [3].

Российская модель социального государства в ее нынешнем состоянии не укладывается полностью ни в одну из классических схем. Она включает сильный конституционный и бюджетный компонент, сохраняет заметную роль обязательного социального страхования, использует адресные инструменты поддержки и одновременно движется к сервисной модели

взаимодействия государства и гражданина. Такая комбинация объясняется как историей российского публичного управления, так и современными целями социально-экономического развития. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 закрепил долгосрочные ориентиры, связанные с ростом продолжительности жизни, снижением бедности, поддержкой семьи, повышением благополучия граждан и качеством среды для жизни. Следовательно, социальное государство в России должно рассматриваться через призму конкретных управленческих обязанностей, а не только через перечень ценностей [4].

С точки зрения юридической техники государственное управление в социальной сфере сегодня строится на сочетании норм стратегического, материального и процедурного характера. Важнейшее значение имеет законодательство о стратегическом планировании, поскольку именно оно связывает конституционные ориентиры с государственными программами, национальными целями, показателями и ресурсным обеспечением. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» формирует рамку, в пределах которой социальная политика должна быть переведена в систему взаимосвязанных управленческих документов. Вместе с тем наличие стратегических документов само по себе не устраняет проблему разрыва между целеполаганием и текущим администрированием, особенно в ситуациях, когда правовое регулирование социальной сферы остается раздробленным по различным законам и подзаконным актам [5].

Материально-правовая основа государственного управления в социальной сфере представлена большим числом нормативных актов, среди которых центральное место занимает законодательство о государственной социальной помощи. Федеральный закон «О государственной социальной помощи» закрепляет базовые формы адресной поддержки, социальный контракт, государственную социальную помощь малоимущим и некоторые

иные инструменты. Данный акт играет заметную роль в переходе от универсального распределения мер поддержки к модели, где публичная власть оценивает нуждаемость и связывает помощь с преодолением трудной жизненной ситуации. Однако сама конструкция адресности порождает новые требования к государственному управлению: необходимы единые критерии нуждаемости, прозрачность расчета доходов, понятные административные процедуры и эффективные способы обжалования решений [6].

Не менее важной частью правового механизма остается законодательство о социальном обслуживании. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» определяет круг социальных услуг, основания признания гражданина нуждающимся, полномочия поставщиков услуг и формы межведомственного взаимодействия. Через этот закон наиболее наглядно проявляется то обстоятельство, что современное социальное государство не ограничивается денежными выплатами: оно должно организовывать сопровождение пожилых граждан, инвалидов, семей с детьми и иных лиц, нуждающихся в длительной поддержке. В то же время региональная специфика предоставления услуг приводит к неодинаковому качеству правового и организационного обеспечения, что делает проблему минимальных стандартов особенно острой [7].

Процедурный аспект государственного управления в социальной сфере концентрируется вокруг законодательства о государственных и муниципальных услугах. Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» сформировал важную административную логику: гражданин должен получать услугу в понятной форме, в разумный срок, по прозрачной процедуре и без избыточного документооборота. Для социального государства значение данного акта состоит в том, что он переводит идею социальной поддержки в язык административной процедуры. Но при всей значимости сервисного

подхода нельзя допустить, чтобы упрощение интерфейса прикрывало усложнение материальных условий получения помощи. Поэтому правовое регулирование должно удерживать баланс между удобством услуги и полной правовой гарантией [8].

Особое место в рассматриваемой проблеме занимает разграничение полномочий в единой системе публичной власти. Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» ориентирует субъекты Федерации на участие в обеспечении комплексного социально-экономического развития территории и закрепляет связь регионального управления с общегосударственными целями. Но именно здесь проявляется одно из главных противоречий российского социального государства: при высокой степени централизации стратегических ориентиров и финансового контроля региональные и местные органы несут значительную нагрузку по непосредственному исполнению социальных обязательств. В результате федеральный уровень определяет рамку, а уровень фактической доступности социальных благ нередко зависит от качества регионального управления и бюджетной емкости территории. Это требует более ясного нормативного разведения обязательных и дискреционных полномочий [9].

Современное государственное управление в социальной сфере уже невозможно анализировать вне процессов цифровой трансформации. Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2023 года № 2386 учреждена государственная информационная система «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере», которая должна обеспечить интеграцию сведений, унификацию процессов и создание единой цифровой инфраструктуры социального управления. Для правового регулирования это означает переход от разрозненных информационных решений к модели платформенного администрирования, где государство стремится соединить учет, назначение мер поддержки, обмен данными и контроль исполнения в единой среде [10].

Переход к проактивной и платформенной модели, с одной стороны, расширяет доступность социальных прав. Исследования цифровизации социально значимых услуг показывают, что сервисный формат способен сокращать административные издержки, повышать удовлетворенность граждан и делать предоставление поддержки более своевременным. На примере здравоохранения видно, что цифровые сервисы лучше всего работают там, где они связаны с жизненной ситуацией гражданина и формируют бесшовную траекторию получения услуги. Следовательно, в социальном государстве цифровизация не должна пониматься только как технико-организационный проект: она представляет собой изменение самой модели государственного управления, переход от ведомственного маршрута к пользовательскому [11].

С другой стороны, цифровизация обостряет ряд правовых проблем. В современной литературе справедливо отмечается, что законодательство пока не выработало в полной мере целостный понятийный аппарат цифровой трансформации социальной сферы, а нормы о данных, цифровой идентификации, межведомственном обмене и платформенных решениях нередко развиваются неравномерно. Это создает риск ситуаций, при которых технологическая инфраструктура развивается быстрее, чем правовые гарантии гражданина. Для социального государства такая асимметрия особенно опасна, поскольку она может привести к ослаблению процедурной защиты лица, ошибкам автоматизированного назначения мер поддержки и затруднениям при оспаривании решений, принятых на основе цифровых профилей и межсистемных сверок [12].

Отдельной проблемой остается территориальное и социальное цифровое неравенство. Даже если цифровые сервисы объективно повышают удобство и скорость взаимодействия, они не устраняют автоматически различия в инфраструктуре, уровне цифровой грамотности и доступности связи. Поэтому правовое регулирование должно учитывать, что цифровой канал не может

стать единственно допустимым способом реализации социальных прав. Исследования качества жизни в условиях цифровой трансформации показывают, что положительные эффекты цифровизации сочетаются с региональной неоднородностью, а значит государство обязано строить цифровую социальную инфраструктуру так, чтобы она не усиливала уже существующие территориальные различия [13].

С учетом изложенного представляется возможным выделить несколько взаимосвязанных направлений совершенствования правового регулирования государственного управления. Прежде всего речь идет о необходимости более четкого нормативного определения российской модели социального государства. В действующем законодательстве социальная функция государства раскрывается через отдельные институты, но не через целостную конструкцию, которая связывала бы стратегические цели, распределение полномочий, минимальные стандарты, бюджетные обязательства и процедуры защиты прав граждан. В результате правоприменитель имеет дело с широким массивом актов, но не всегда получает ясный ориентир относительно того, какая именно модель лежит в основе управления социальной сферой. Для преодоления этой проблемы требуется систематизация законодательства и формирование единого понятийного каркаса, который зафиксировал бы смешанный характер российской модели и пределы допустимой вариативности на региональном уровне.

Второе направление связано с увязкой стратегического планирования и текущего администрирования. Государственное управление в социальной сфере не должно ограничиваться постановкой общих целей и показателей. Необходим такой нормативный механизм, при котором документы стратегического планирования будут прямо сопряжены с финансовыми обязательствами, административными регламентами и измеримыми критериями фактической доступности социальных благ. Иначе социальное государство остается на уровне целевых формул, а реальная управленческая

практика продолжает жить по ведомственной логике. В этой связи требуется развивать правовые конструкции, обеспечивающие переход от декларации к обязательству, от показателя к процедуре, от общего ориентира к конкретной ответственности органа публичной власти.

Третье направление касается разграничения полномочий между федеральным центром, субъектами Российской Федерации и муниципальным уровнем. Единство публичной власти не должно подменять собой правовую определенность в вопросе о том, какой уровень власти отвечает за содержание социальной гарантии, а какой — за организацию ее предоставления. Для повышения качества управления целесообразно закрепить на федеральном уровне обязательный минимум социальных стандартов и процессуальных гарантий, оставив регионам возможность расширять объем мер поддержки и адаптировать организационные формы к территориальным условиям. Такая конструкция лучше соответствует смешанной модели социального государства, поскольку сочетает единство правового пространства и управленческую гибкость.

Четвертое направление состоит в укреплении процедурной защиты гражданина в сфере социальной поддержки. Развитие проактивных сервисов, цифровых платформ и беззаявительных форм назначения выплат не отменяет, а, напротив, усиливает потребность в ясных правилах уведомления, мотивирования решения, исправления ошибки и оперативного обжалования. В социальном государстве административная процедура должна не только облегчать доступ к поддержке, но и обеспечивать защиту лица от неверной квалификации его жизненной ситуации, неполного учета обстоятельств и автоматизированного отказа. Следовательно, дальнейшее совершенствование законодательства должно идти по пути детализации гарантий надлежащей процедуры в социальной сфере.

Пятое направление связано с нормативным обеспечением цифрового государственного управления. Здесь необходимо не только расширять число

электронных сервисов, но и закреплять требования к межведомственному обмену данными, режиму обработки персональной информации, алгоритмической прозрачности и альтернативным офлайн-каналам получения помощи. Иными словами, цифровая платформа должна рассматриваться как юридически значимая среда, в которой гражданин сохраняет все базовые права на информацию, объяснение, исправление неточностей и защиту от неблагоприятного решения. В противном случае сервисное государство может превратиться в форму технологически ускоренного, но юридически ослабленного администрирования.

Наконец, шестое направление предполагает обновление критериев оценки эффективности государственного управления в социальной сфере. В настоящее время доминируют количественные показатели, связанные со сроком оказания услуги, долей электронных обращений, числом назначенных мер поддержки и достижением целевых индикаторов. Между тем для социального государства этого недостаточно. Оценка качества управления должна учитывать фактическую доступность помощи, территориальную равномерность социальных услуг, степень понятности административных процедур, уровень досудебной защиты и реальное влияние мер поддержки на качество жизни граждан. Лишь при такой настройке правового регулирования можно говорить о том, что государственное управление отвечает не только формальным требованиям результативности, но и внутренней логике социального государства.

Список использованных источников и литературы:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., с послед. изм. и доп.) //

Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.2026).

2. Попова А. В. Социальное государство как универсальное средство обеспечения модернизации российской экономики // Экономика. Налоги. Право. 2024. Т. 17. № 1. С. 158–166.

3. Григонис В. П., Немова Н. Ю., Талянин В. В. Модели социального государства в зарубежных странах // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 47–50.

4. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.2026).

5. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.2026).

6. Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.2026).

7. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.2026).

8. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.2026).

9. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов [Электронный ресурс]. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202112210031> (дата обращения: 01.04.2026).

10. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2023 г. № 2386 «О государственной информационной системе «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере»» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.2026).

11. Сергеева Н. В., Полянский А. А. Цифровизация государственного управления в социальной сфере (на примере здравоохранения) // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 100–103.

12. Вицукова А. Р. Обзор законодательной базы цифровизации государственного управления социальной сферой в Российской Федерации // Архонт. 2025. № 10(61). С. 147–159.

13. Гончарова О. К., Ужегов А. О. Качество жизни населения в условиях цифровой трансформации экономики Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2025. Т. 23. № 2. С. 87–96.